

Братерский М.В.¹

Экономические перспективы Евро-атлантического сообщества в период глобальной политической перестройки

Аннотация. В течение столетий (а точнее – на протяжении примерно 500 лет) мир строился вокруг мощного, агрессивного и динамичного центра – Запада. Из этого центра исходили инновации как в технической, так и в социально-политической сферах, он генерировал волны колонизации и трансформировал планету, он формировал глобальную повестку, он вырабатывал и насаждал некий мировой порядок, хоть и несправедливый, но достаточно стабильный.

Вместе с тем такое положение дел казалось естественным, потому что все альтернативы имели крайне нереалистичский характер, например, коммунистическая идея, которая в итоге не выдержала конкуренции с обществом массового потребления, обеспеченного капитализмом.

Сегодня настал момент, когда глобальная система, основанная на либеральном капитализме, себя изжила. Мировой экономике некуда расти в рамках капиталистической либеральной модели, резервы роста уже исчерпаны, а мотор этого роста, Запад (в некоторых интерпретациях – «Север») относительно ослабевает, внутри него возникают расколы. В течение последних десятилетий Запад утрачивал свои позиции в реальной экономике, концентрируя преимущества в финансовой и технологической сферах, но сегодня его финансово-валютная

¹ Братерский Максим Владимирович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором, ИНИОН РАН.

система представляется скомпрометированной, а технологическое лидерство оспаривается растущими гигантами из других частей мира.

Что происходит с Западом в эпоху перемен? Как меняются его позиции и потенциал относительно остальной части мира – «не-Запада» (или «мирового большинства»)? Как внутренне переконфигурируется сам Запад, какие тренды внутри трансатлантического сообщества выходят на первый план, какие структурные изменения происходят в этом сообществе?

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению данных вопросов и ставит своей задачей способствовать развитию дискуссии о возможных путях развития мировой политической экономики с акцентом на место и роль в ней «коллективного Запада».

Ключевые слова: Запад, Север, Евро-атлантическое сообщество, экономический рост, «зелёный переход», милитаризация, «правый поворот».

В последнее время эксперты и политики из стран «мирового большинства» уделяли значительное внимание политической трансформации мировой системы, строительству многополярного мира. В своем обращении в связи с началом председательства России в БРИКС В.В. Путин отметил, что принципами деятельности БРИКС являются «суверенное равенство, уважение выбора собственного пути развития, взаимный учет интересов, открытость, консенсус, стремление к формированию многополярного мироустройства и справедливой модели глобальной финансовой и торговой системы, поиск коллективных решений наиболее острых проблем современности» [Путин, 2024]. Со схожими по духу заявлениями неоднократно выступали Си Цзиньпин [Си Цзиньпин заявил ... , 2024], Нарендра Моди [Our diversity ... , 2024], другие лидеры «не-Запада».

В то же время наметившиеся изменения в политической организации мира во многом являются результатом изменений, происходящих в мировом экономическом ландшафте. Мировая политико-экономическая система неделима, политические и экономические процессы отражают, хотя и по-разному, одни и те же явления. Из этого понимания исходят все основные школы мировой политэкономии – и экономические националисты, и либералы, и марксисты. Более того, именно экономические изменения в мировом раскладе сил являются наиболее видимыми, и именно на них при-

ходится ориентироваться политикам мирового уровня при выработке своей стратегической линии.

Существенные изменения в экономической сфере происходят на Западе, или, что почти одно и то же, в Евро-атлантическом сообществе. Параллельно идут два процесса: 1) меняется (не в пользу Запада) соотношение совокупной экономической мощи «коллективного Запада» и «не-Запада» (группы государств, которую называют «глобальным Югом», или группой развивающихся стран) и 2) меняется экономический баланс на самом Западе, некоторые его части экономически усиливаются (или пытаются это сделать), другие части экономически проседают и рискуют утратить свои некогда крепкие экономические позиции. Соответственно, мировая политическая система, или «мировое общество» (английская школа), реагирует на эти изменения, меняет свою структуру и перераспределяет политический «вес» отдельных стран и их объединений.

В данной статье мы намерены проанализировать основные экономические процессы, характеризующие как глобальную, так и внутриблоковую экономическую ситуацию в странах Запада, описать основные стратегии ведущих экономических игроков блока, попытаться оценить результативность реализуемых западными странами политик в этой области и на основании анализа экономических тенденций, определяющих направление движения стран Евро-атлантического сообщества, предложить выводы, касающиеся трансформации мировой и региональной политических систем.

1. Глобальный уровень, трансформация отношений между Севером и Югом

Глобальный уровень трансформации мировой политико-экономической системы (с акцентом на ее экономическую составляющую) характеризуется несколькими, в разной степени связанными друг с другом, процессами: во-первых, – переток капитала и технологий с глобального Севера на глобальный Юг, смещение центра мирового экономического развития из Европы на Восток, в Индо-Тихоокеанский регион (ИТР); во-вторых, – тупик в дальнейшем развитии и расширении глобальной капиталистической экономической системы из-за демографических, ресурсных и экологических ограничений, рост глобальной инфляции и подорожание жизни, которое особенно сильно ощущается на Западе;

в-третьих, – растущая зависимость стран Севера от импорта промышленной продукции из стран Юга; в-четвертых, – усиление миграционных потоков с Юга на Север, что уже приводит к возникновению существенных экономических и социальных проблем в странах Запада.

Экономический рост Юга и относительное снижение экономической мощи Запада

Политико-экономическая наука давно предсказывала перераспределение экономической мощи с Севера на Юг. Так, классик мировой политэкономии Р. Гилпин писал, что, согласно одной из точек зрения на глобализацию, «экономические и технологические потоки из более развитых стран в менее развитые страны действительно могут быть выгодны последним, но являются вредными для первых. Процесс конвергенции уже серьезно подорвал и в дальнейшем будет подрывать мощь, богатство и безопасность Соединенных Штатов и других индустриальных стран» [Gilpin, 2000, р. 300]. Схожую точку зрения очень давно высказывали марксисты [Ленин, 1916], формулируя закон о неравномерном развитии капитализма. Мыслители либеральной школы также в принципе согласны с фактом неизбежного перераспределения экономического потенциала между индустриальными и развивающимися странами, хотя делают из этого другие выводы [Bryan, Farrell, 1996].

Механизм перераспределения экономической мощи, основанный на природе экономических отношений при капитализме, достаточно очевиден. Экономике индустриально развитых стран оказываются переинвестированными; они приносят инвесторам все меньшую прибыль, так как капитал не находит высокомаржинального приложения. В попытках сохранить или увеличить экономическую эффективность капиталовложений инвесторы вынуждены искать другие рынки для приложения капитала, в тех странах, где капитал в дефиците и приносит большую отдачу. Капитал сопровождается перетоком технологий, а так как финансовые рынки развивающихся стран скудны, то самый логичный способ приложения капитала – это организация производства с опорой на местные относительные преимущества (географическое положение, низкая стоимость рабочей силы, наличие сырья и прочее). Логика капитализма непреклонно ведет глобальный Север к

вложениям в Юг; в итоге Юг постепенно становится более конкурентоспособным и начинает предъявлять Северу политические требования по участию в глобальном управлении, в модификации валютной и торговой систем и т.д. Товары производятся на территории развивающихся стран и ввозятся (импортируются) в развитые страны. В результате у развитых стран образуется торговый дефицит и растет внешний долг, необходимый для закрытия этого дефицита.

Схожие процессы регистрируются и в институциональной сфере, долгое время являвшейся преимуществом Севера, а ныне успешно воспроизводящейся на Юге. Нил Фергюсон, известный историк экономики, в своей книге «Цивилизация: Запад и остальные» [Ferguson, 2011] аллегорически уподобляет институциональные достижения Запада, давшие ему историческое преимущество над другими народами, «приложениям», которые Запад «написал» и «загрузил» в свою систему почти 500 лет назад. Особенно важными он считает следующие «приложения»: 1) конкуренция, т.е. децентрализация политической и экономической жизни; 2) наука, т.е. способ изучения, понимания и изменения естественного мира; 3) права собственности через верховенство закона как способ защиты интересов собственников и мирного разрешения конфликтов между ними; 4) медицина как отрасль науки, позволившая существенно улучшить общее состояние здоровья населения и увеличить продолжительность жизни; 5) общество потребления как образ жизни при котором производство и покупка потребительских товаров играют основную роль в экономике; 6) трудовая этика как моральная рамка (развившаяся, в частности, из протестантизма), которая цементирует динамично развивающиеся и не всегда стабильные общества.

Как мы видим, практически все эти «приложения» уже «скопированы» и «загружены» наиболее динамично развивающимися странами. Более того, если на Западе в настоящее время происходит частичный «откат» от некоторых из вышеупомянутых принципов, то в таких странах, как Китай, Индия и др., данные принципы и институты только укрепляются.

Данные МВФ на начало 2025 г. (по паритету покупательной способности) показывают следующие доли ведущих национальных экономик в мировой экономике: США – 14,84%, Германия –

3,02%, Япония – 3,31%, Китай – 19,29%, Индия – 8,49%, Россия – 3,49% [GDP based on PPP ... , 2025]. Двадцать лет назад, в 2005 г., доля США в мировой экономике составляла 19,4%, Германии – 4,48%, Японии – 5,93%, Китая – 8,71%, Индии – 4,56%, России – 3,5% [Ibid.]. Эти цифры не следует принимать как истину в последней инстанции, так как расчетам по методу паритета покупательной способности свойственны собственные недостатки. В то же время, например, расчеты объема экономики США также вызывают сомнения, так как включают в себя чрезмерно раздутую финансово-спекулятивную составляющую, не имеющую отношения к реальной экономике. Как бы то ни было, вектор экономического развития и общее направление изменений в соотношении экономик так называемых развитых и развивающихся стран очевидны, и не будет преувеличением утверждать, что Север (Запад) быстро уступает свои экономические позиции странам Юга и Востока.

Нарастание экономических проблем на Севере, снижение уровня жизни

Мировая капиталистическая экономика вновь подошла к пределу своего развития, и если в прошлый раз, в 1990-х годах, глобальная экономическая модель была спасена в результате развала Советского Союза и вовлечения постсоветских и постсоциалистических территорий в рыночный оборот, то в настоящее время выход из сложившейся ситуации пока не просматривается. Устойчивость мировой системы капитализма основывается прежде всего на постоянном расширении этой модели, вовлечении в нее новых рынков и новых ресурсов.

Новых рынков в их традиционном понимании на планете не осталось: всё, что есть, уже включено в систему мирового капитализма. «Капитализм может воспроизводить себя только посредством бесконечного процесса расширения. Экстенсивное расширение – это внешнее расширение мирового капитализма посредством включения новых территорий и населения. В течение пяти столетий система расширялась посредством колониализма и империализма, но теперь на Земле осталось мало мест и народов, которые можно включить в нее», – пишет американский исследователь У.И. Робинсон [Робинсон, 2024, с. 633]. Схожую мысль высказывает и С.А. Караганов: «Огромное убыстрение экономического

развития мира с середины 1980-х годов 20 лет интерпретировалось как результат исключительно применения рецептов “Вашингтонского консенсуса”. Хотя, как становится очевидно, этот рост мировой экономики произошел не только и даже не столько из-за них, а из-за огромного расширения сферы мирового капитализма. В мировое капиталистическое хозяйство влились рынки десятков стран и более двух миллиардов единиц дешевой рабочей силы Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, Центральной и Восточной Европы, бывшего СССР» [Караганов, 2008].

Есть и другая стратегическая проблема, с которой связана возрастающая неустойчивость существующей модели. Капиталистическая система росла, в числе прочего, за счет увеличения количества потребителей; до недавнего времени демографический рост населения Земли был весьма ощутим, и еще в 1970–1980-х годах эксперты и политики были озабочены возможными негативными последствиями перенаселения планеты [The limits ... , 1972]. Сегодня в результате почти повсеместного демографического перехода проблема сменилась на противоположную. Национальный институт демографических исследований Франции на основании данных ООН на конец 2024 г. прогнозирует, что, хотя население Африки к югу от Сахары пока продолжает расти, численность населения Европы и Северной Америки к 2050 г. не вырастет и сохранится на прежнем уровне [2024 : the United Nations ... , 2024]. Складывающаяся демографическая ситуация ставит под вопрос всю нынешнюю модель мировой экономики. Сможет ли мировая экономика расширяться без увеличения числа потребителей? На основании чего теперь принимать решения об инвестировании? Что делать с будущими кризисами перепроизводства? Как вообще существовать в отсутствие перспектив роста экономики?

Анализируя изменения, происходящие в модели глобального капитализма, невозможно не отметить хотя и точечные, но в то же время весьма неприятные тенденции. В мире – и особенно на Севере – в последнее время практически всё подорожало. Пики мировой инфляции фиксировались в период кризиса 2008 г. (5%) и в 2022 г. (8,63%) [Global inflation ... , 2025]. В 2022 г. в США инфляция составляла 8% (сейчас 3,2%) [Consumer Price Index ... , 2024], в ЕС – 8,83% (сейчас менее 1%) [European Union inflation ... , 2025].

Согласно опросам, проведенным по заказу Европарламента, в 2024 г. 46% европейцев признавали, что по мере нарастания проблем уровень их жизни снизился, еще 39% ожидали ухудшения в текущем году, и только 14% не ощутили никаких негативных изменений [Cost of living ... , 2024]. Негативные тенденции регистрируются и в Соединенных Штатах. Так, медианный годовой доход домохозяйств в 2015 г. остался таким же, как и в 2000 г., – 70,2 тыс. долл. [Most Americans ... , 2020]. Причем не исключено, что стагнация доходов американцев длилась еще дольше, так как в 2015 г. была изменена методика расчета дохода. Другие данные указывают на то, что с 1973 г. средний реальный доход американцев увеличился лишь на 0,7% [Strain, 2022], т.е. по сути остался прежним.

Сужение производительного сектора экономики на Севере и растущая зависимость от товаров с Юга

Не является новостью, что экономика Запада (Севера) давно вошла в постиндустриальную фазу, и определяющую роль в экономике развитых стран играет не промышленный сектор, а сектор услуг, прежде всего – финансовый. Доля финансового и смежных секторов в экономике США в 2023 г. составляла: финансы, страхование, аренда и лизинг – 20,7%; профессиональные и бизнес-услуги – 13% [Share of value ... , 2024]; к этому следует добавить другие сервисные сектора экономики, а также образование, управление, развлечения, гостиничное дело и проч. Собственных промышленных товаров на Севере не хватает, потому что их дешевле производить за границей, и, соответственно, Север все больше импортирует промышленные товары с Юга. В 2023 г. США продали в КНР товаров на 143,5 млрд долл., а импортировали из КНР – на 438,9 млрд долл. [The People's Republic of China ... , 2024]. Схожая ситуация наблюдается и в Европейском союзе: в 2023 г. европейский дефицит в торговле товарами с Китаем составил 292 млрд евро [China : EU trade ... , 2024].

Пока мировая экономика работала относительно гармонично, такого рода дисбалансы вполне укладывались в либеральную модель разделения труда: Север делает чистую и высокооплачиваемую работу (исследования и разработки, кредитование, маркетинг), а Юг – грязную и низкооплачиваемую (собственно произ-

водство), и такая структура экономических связей не вызывала особого беспокойства. Но уже в период пандемии COVID-19 стало понятно, что зависимость Севера от импорта товаров с Юга по многим позициям достигла критического уровня, а растущие геополитические разломы превращают сложившуюся ситуацию в политическую проблему и непосредственную угрозу.

Север осознает эту опасность и пытается принять меры. В частности, можно отметить усилия США по своей реиндустриализации с опорой на высокотехнологичный сектор. Так, лишь в рамках Закона о чипах и науке (*англ.* The CHIPS and Science Act) США направляют около 280 млрд долл. на поддержку американской полупроводниковой промышленности и на противостояние Китаю в этой области [The CHIPS and Science Act ... , 2022]. Кроме того, были приняты Закон об инвестициях в инфраструктуру и рабочих местах (*англ.* The Infrastructure Investment and Jobs Act), предусматривающий вложение 1,2 трлн долл. в инфраструктуру, включая связь, IT-технологии и проч. [The Infrastructure Investment and Jobs Act ... , 2022], и Закон по борьбе с инфляцией (*англ.* The Inflation Reduction Act), в рамках которого был выделен 891 млрд долл. на различные цели, включая чистое производство энергии и развитие промышленности по производству аккумуляторов [The Inflation Reduction Act ... , 2022]. Риторика президента Д. Трампа также свидетельствует о его намерении увеличить технологическую мощь Америки.

Несколько другим путем пошел Евросоюз с его программой «зелёного перехода» и мерами по усилению регулирования деятельности иностранных фирм в ЕС. В экономическом смысле план состоит в том, чтобы «выровнять игровое поле» в торговых взаимоотношениях ЕС со странами Юга посредством введения трансграничных углеродных пошлин, повысив тем самым издержки иностранных производителей до уровня европейских, а также лишить иностранные компании возможности контроля над стратегически важными высокотехнологическими отраслями. Для этого были подготовлены несколько нормативных актов: Закон о регулировании иностранных субсидий (*англ.* Foreign Subsidies Regulation, FSR) и Закон об иностранных закупках (*англ.* International Procurement Instrument, IPI) [Meyers, 2022]. Представляется, что

общая цель европейской политики – лишить конкурентов ЕС преимуществ в традиционной индустриальной экономике, где европейцы сегодня заведомо слабее, и перевести конкуренцию в высокотехнологический сектор, который европейцы создают под «зелёный переход», рассчитывая оставаться лидерами в этой области.

Каким будет результат нового противостояния Севера и Юга в области традиционной индустрии и новых технологий, пока неясно. Вместе с тем не вызывает сомнений, что такого рода противостояние становится одним из важнейших направлений во взаимоотношениях Севера и Юга.

2. Внутриблоковый уровень, трансформация отношений членов Евро-атлантического сообщества

Баланс сил и система отношений внутри Евро-атлантического сообщества претерпевают существенные изменения. Во-первых, в то время как экономический рост Соединенных Штатов в целом продолжается, ЕС пребывает в стагнации, начинает утрачивать свои экономические позиции и отставать, превращаясь в «слабое звено» Западного мира. Во-вторых, в политической жизни европейских стран наметился так называемый «правый поворот», в результате которого во многих государствах – членах ЕС (и даже, возможно, в надгосударственных органах ЕС) к власти могут прийти представители националистических сил, по-другому оценивающие экономические приоритеты. В-третьих, разные страны – участницы ЕС по собственной инициативе реализуют разнонаправленные проекты по восстановлению конкурентоспособности своих экономик – с разной степенью успешности и неодинаковыми шансами на успех. В-четвертых, США так или иначе продолжают свой «разворот к ИТР», и не исключено, что создаваемый ими технолого-военно-экономический блок (одно из названий которого – англосфера (*англ.* Anglosphere) [Bennett, 2004]) в итоге будет строиться за счет ослабления американско-европейских связей с намерением предоставить Европу самой себе.

Неравномерное экономическое развитие США и Европы

После выхода из кризиса, вызванного пандемией COVID-19, экономика США растет хорошими темпами (для развитой страны) – 2,5% в 2022 г., 2,9% в 2023 г., 2,8% в 2024 г.; согласно прогнозам,

она вырастет на 2,1% в 2025 г. [A year of known ... , 2024]. С учетом разнообразных планов США по созданию политических и технологических союзов вроде AUKUS имеет смысл принимать во внимание и экономическую ситуацию в других странах англосферы. Экономика Австралии, потенциально главного поставщика сырья для нужд англосферы, показывает умеренные темпы роста, однако местное Министерство финансов рассчитывает, что в 2025 г. рост составит 1,75%, а в 2026 г. – 2,25% [Australian forecasts ... , 2025]. Хуже обстоят дела в Канаде и Новой Зеландии, хотя и там наблюдается небольшой экономический рост. Великобритания показала скромный результат – 0,4% в 2023 г. и 0,9% в 2024 г. [Milliken, Bruce, 2025].

На этом фоне ЕС выглядит гораздо слабее. В 2024 г. экономический рост в зоне евро составил 0,7%, в ЕС в целом – 0,8% [GDP stable ... , 2025]. Также нужно иметь в виду, что экономическая активность распределяется по странам Евросоюза неравномерно. Так, в IV квартале 2024 г. самый высокий рост наблюдался в Португалии, Литве и Испании, а крупнейшие экономики ЕС ушли в минус – это касается, в основном, Германии (–0,2%) и Франции (–0,1%) [Ibid.].

Из приведенных данных пока рано делать окончательные выводы, но на сегодняшний день несомненно, что очевидным экономическим лидером Евро-атлантического сообщества являются Соединенные Штаты. Они уходят вперед, в то время как европейские экономики стоят на месте. Причиной подобного положения дел является тот факт, что Соединенные Штаты предлагают лучшие, чем Европа, условия для ведения бизнеса. Среди прочего, в США дешевле энергия, меньше госрегулирование, ниже налоги, более дешевый капитал, более гибкий рынок труда. Американцы не только пользуются своими естественными преимуществами, но и активно создают их: с одной стороны, они переманивают к себе высокотехнологические компании из Европы, предлагая им лучшие условия и субсидии, с другой – используя политические методы, они заставили европейцев перейти на более дорогой американский газ, что сделало европейское энергоемкое производство неконкурентоспособным. При этом президент Д. Трамп обещает

начать очередную торговую войну с Европой, что нанесет еще один удар по европейской экономике.

Трудно сказать, является ли появившийся экономический разрыв постоянным, навсегда ли Соединенные Штаты вырвались вперед в конкуренции с Европой. Вместе с тем очевидно, что политическое доминирование США над Европой дополняется экономическим доминированием, особенно в сфере высоких технологий и энергоемких отраслей. Не вызывает сомнений также и то, что в евро-атлантических отношениях остается все меньше места для гармонии, все больше сил уходит на взаимную борьбу.

***Рост идеологических противоречий
между либералами и консерваторами,
между США и ЕС***

Начиная со второй половины 2024 г. в Евро-атлантическом сообществе усилились процессы идеологического размежевания между правыми консерваторами и левыми либералами. В Соединенных Штатах «водораздел» сформировался в предвыборной борьбе республиканского MAGA¹-кандидата Д. Трампа против истеблишмента Демократической партии, возглавляемой в настоящее время левыми либералами. В Европейском союзе поляризация между традиционными консерваторами и левыми либералами усиливается как на уровне ЕС в целом, так и на уровне отдельных стран. Хотя в ходе выборов в Европарламент в 2024 г. победили основные проевропейские партии (Европейская народная партия получила 188 из 720 мандатов, Прогрессивный альянс социалистов и демократов – 136 мандатов), правые партии также существенно укрепили свои позиции. После успешных для себя выборов в Германии, Франции и Австрии правые сформировали в Европарламенте три фракции общей численностью в 187 мандатов.

Правые партии участвуют в работе правительств шести стран ЕС – Италии, Венгрии, Хорватии, Нидерландов, Финляндии и Словакии. Правые добились заметных результатов на парламентских выборах во Франции и Австрии, земельных выборах в ФРГ.

Правые партии Европы выступают против либеральных (постлиберальных) ценностей в целом, особенно их раздражают эколо-

¹ Аббревиатура лозунга Д. Трампа «Make America Great Again». (Прим. ред.)

гизм, феминизм, открытая миграционная политика. В позитивной части их повестки – возвращение к консервативным ценностям и восстановление власти национальных государств за счет урезания полномочий надгосударственных органов ЕС.

Сложившаяся ситуация раскрылась во всей своей полноте на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2025 г., когда столкнулись две идеологические парадигмы, характерные соответственно для действующих властей Соединенных Штатов и Евросоюза. Дж. Вэнс, новоизбранный консервативный вице-президент США, обрушился с критикой на новоназначенное либеральное руководство ЕС, обвинив его в ущемлении демократии, подавлении свободы слова и, по сути, в узурпации власти.

Будет ли случившийся «идеологический развод» иметь определенные последствия для экономических и политических взаимоотношений двух частей Евро-атлантического сообщества? Да, будет, и уже имеет. Американская администрация не воспринимает нынешнее европейское руководство как равных, и в своей экономической политике в отношении Европы не намерено делать скидку на «общность ценностей» и политическую близость. Поблажек не будет, и президент Д. Трамп уже объявил о планах ввести повышенные пошлины против европейских товаров. У руководства ЕС не будет иного выхода кроме как ответить Соединенным Штатам полноценной торговой войной. В результате единство Севера по многим вопросам, политическим и экономическим, ослабевает, Соединенные Штаты и Европа начинают действовать на мировой арене самостоятельно. В дополнение к различиям, наблюдающимся в подходах США и Европы к энергетике, «зелёной» повестке, развитию IT-технологий и конкуренции в ряде отраслей, мы наблюдаем и растущий ценностный разрыв. Причем этот разрыв может трансформироваться в ценностный разрыв внутри Евросоюза, разведя страны с либеральным и консервативным руководством.

Разнонаправленность экономических стратегий США и ЕС

И Соединенные Штаты, и Европейский союз испытывают серьезные трудности в вопросе конкурентоспособности своих экономик по отношению к экономике Китая, а в некоторых секторах – также Индии и России. В последнее десятилетие США и ЕС все

больше расходятся в своих экономических и идеологических стратегиях и ставят перед собой противоречащие друг другу задачи.

Соединенные Штаты еще с первого президентства Д. Трампа (и Дж. Байден продолжил эту линию) поставили перед собой задачу стать энергетической сверхдержавой за счет сланцевой революции, выйти на ведущие позиции в мире в качестве экспортера энергии и производителя аккумуляторов, а также вернуть себе позицию основного производителя компьютерных компонентов, IT-услуг и искусственного интеллекта. Ради достижения этих целей США приняли целую серию законодательных актов, активно поддерживают и субсидируют энергетическую и компьютерную отрасли. Судя по всему, США отодвинули «зелёную» повестку на второй план, а ее содержание было модифицировано: вместо борьбы с глобальным потеплением путем снижения выбросов парниковых газов США готовятся адаптироваться к изменениям климата, обновляя инфраструктуру и распространяя свое влияние на Арктику (и Канаду). В качестве формального шага Д. Трамп уже второй раз вывел Соединенные Штаты из Парижского соглашения по климату (куда США возвратились во время президентства Дж. Байдена). Сегодняшняя экономическая стратегия США направлена на обеспечение конкурентоспособности и гегемонии американской экономики за счет преимуществ в энергетике и высоких телеологиях. Экологические приоритеты не занимают серьезного места в этой стратегии.

Евросоюз пока продолжает двигаться по траектории «зелёного перехода», хотя и сталкивается с большими трудностями на этом пути. Европейская экономическая политика по-прежнему основывается на плане, принятом 11 декабря 2019 г., который предполагает достижение полной углеродной нейтральности к 2025 г. Формально план постулирует, что «европейская “зелёная сделка”» включает в себя широкий набор мер, нацеленных на борьбу с изменением климата, борьбу с экологической деградацией, на стимулирование экономического роста и социального равенства» [Wasserman, 2020].

На деле же ситуация гораздо сложнее. ЕС проиграл Китаю конкурентную гонку в области промышленного производства и не может конкурировать с Соединенными Штатами и Россией в области энергоёмких производств. Именно поэтому появилась идея «зелёного проекта», предусматривающего, что европейцы повысят издержки

зарубежных производителей до уровня своих (благодаря трансграничным углеродным сборам и другим мерам), а для своей промышленности и прикладной науки создадут глобальный рынок «зелёных» технологий, в рамках которого они будут монополистами и будут заставлять третьи страны пользоваться этим рынком. В качестве бонуса «зелёная сделка» должна была предоставить Европе глобальное лидерство хоть в какой-то сфере, дать населению ЕС новую идеологию, вернуть европейцам утрачиваемый уровень жизни.

Пока воплощение в жизнь «зеленого курса» в Европе идет с очень высокими издержками, и перспективы успеха этого проекта становятся все более иллюзорными. Отказавшись от традиционной энергетики и перейдя на импорт СПГ вместо импорта относительно дешевого трубопроводного российского газа, Европа подорвала свою энергоемкую промышленность, которая сегодня либо ликвидируется, либо переводится за границу, в страны с более дешевой энергией. При худшем сценарии, из-за нехватки газа и высоких цен на энергию, ВВП Евросоюза может сократиться на 6,5–11,5% (0,9–1,7 трлн евро), при этом без работы останутся 16 млн человек [Милькин, 2022]. В области производства автомобильных аккумуляторов и солнечных панелей – технической основы «зелёного перехода» – европейцы уже значительно отстали от Китая и сегодня вынуждены закрываться от китайского высокотехнологичного импорта тарифами и политическими барьерами. При этом Соединенные Штаты, вместо того, чтобы выступать союзником Евросоюза в плане «зелёного перехода», беззастенчиво пользуются слабостями ЕС, возникающими в результате проведения «зелёной» политики, и переманивают к себе слабеющую европейскую промышленность (например, фирмы Enel, Solvay, EDP, Northvolt и др.) [Schenker, 2023].

Таким образом, можно с уверенностью говорить, что накал борьбы европейской и американской экономик растет, и президент Д. Трамп интенсифицирует эту борьбу, в том числе – введением дополнительных пошлин на ввозимые из Европы товары.

Стоит отметить еще одно направление экономической политики Европы, которое может реализоваться, но может так и остаться в планах – восстановление производительной экономики ЕС через милитаризацию и гонку вооружений. Эксперты Кильского института мировой экономики прогнозируют, что при повышении затрат на

оборону с 2% до 3,5% ВВП, экономический рост Европы увеличится с 0,9% до 1,5% [Ilzetzki, 2025]. Но выдержат ли бюджеты стран ЕС возросший бюджетный дефицит и стоимость обслуживания долга? И вытерпят ли такое перераспределение ресурсов европейская социальная и политическая модели? Ведь Европейский союз, помимо прочего, строился как зона комфорта для его граждан. Что будет с ЕС, если эта зона комфорта резко сожмется?

В последнее время утверждение, что мир переживает тектонические перемены и уже не будет прежним, стало расхожей банальностью. Но перемены действительно идут, хотя нам пока не хватает словаря для описания развернувшихся процессов. Так, широко используемый термин «многополярность» пока не обрел конкретного содержания. Попытки его интерпретировать оставляют массу вопросов: какие именно акторы должны стать новыми полюсами? Как они будут взаимодействовать друг с другом? Как они будут взаимодействовать со средними и малыми державами, входящими в регионы их ответственности? Как будут устроены международные механизмы взаимодействия полюсов?

Вместе с тем мы наблюдаем и вполне очевидные международные процессы, не вызывающие споров (кроме идеологических). В частности, тенденция к снижению относительной мощи «коллективного Запада» (Севера) в международных делах представляется достаточно достоверной, равно как и тенденция к перераспределению сил между ведущими членами самого Запада. Великобритания и Франция уже давно не те великие державы, которые почти на равных формировали СБ ООН в 1945 г.; ЕС уже не то объединение, которое в 1990-х годах всерьез экономически конкурировало с США; Япония уже не та страна, которая в 1980-е годы считалась потенциальным стратегическим конкурентом Соединенных Штатов.

Экономическая мощь Запада (Севера) убывает, его военнополитическое влияние в мире снижается, а в самом западном мире происходит перераспределение мощи в пользу Соединенных Штатов – прежде всего за счет Европы. Политическое содержание нынешнего момента состоит в том, что эти процессы протекают в острой борьбе, одна часть западных элит (в основном – трансат-

лантических) пытается сохранить коллективную гегемонию Запада в той форме, в какой она пребывала последние 30–40 лет, а другая – предпочитает свернуть на путь укрепления национальных интересов своих государств и более узких групп. Таким образом, борьба на внешнем контуре – с «не-Западом» («глобальным Югом», «мировым большинством») – переплетается с борьбой внутри самого западного мира. Основные линии раздела проходят в сфере растущей экономической конкуренции между его основными центрами, прежде всего – США и ЕС, но и военно-политический фактор также играет немаловажную роль в этой борьбе (примером тому является разное отношение США и ЕС к украинской проблеме и перспективам продолжения украинского конфликта). Процесс идет энергично, и не исключено, что достаточно скоро сформируется более стабильная картина, фиксирующая новое положение Запада (Севера) в системе международных отношений, а также новые роли отдельных стран внутри западного мира.

Литература / References

Караганов С.А. (2008). Мировой кризис : время созидать // Российская газета. – Москва. – 15.10. – URL: <https://karaganov.ru/mirovoj-krizis-vremja-sozidat/> (дата обращения: 26.03.2025) [Karaganov S.A. (2008). Global crisis : time to create [*Mirovoj krizis : vremja sozidat*] // Rossiyskaya Gazeta. – Moscow. – 15.10. – URL: <https://karaganov.ru/mirovoj-krizis-vremja-sozidat/> (date of access: 26.03.2025)]. (In Russian).

Ленин В.И. (1916). Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч., 5 изд., т. 27. – Москва : Издательство политической литературы. – С. 299–426. [Lenin V.I. (1916). Imperialism as the highest stage of capitalism [*Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma*] // Complete collected works, 5th ed., Vol. 27. – Moscow : Political Literature Publishing House. – P. 299–426]. (In Russian).

Милькин В. (2022). Эксперты оценили последствия энергетической войны Европы с Россией в 1,6 трлн евро // Ведомости. – Москва. – 05.10. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/10/05/943914-eksperti-otsenili-posledstviya-energeticheskoi-voyni> (дата обращения: 26.03.2025) [Milkin V. (2022). Experts estimated the consequences of the energy war between Europe and Russia at 1,6 trillion euros [*Eksperty otsenili posledstviya energeticheskoi voyni Evropy s Rossiei v 1,6 trln evro*] // Vedomosti. – Moscow. – 05.10. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/10/05/943914-eksperti-otsenili-posledstviya-energeticheskoi-voyni> (date of access: 26.03.2025)]. (In Russian).

Путин В.В. (2024). Обращение Президента Российской Федерации в связи с началом председательства России в БРИКС // BRICS-RUSSIA. – Москва. – 01.01. – URL: <https://brics-russia2024.ru/> (дата обращения: 26.03.2025) [Putin V.V. (2024). Address by the President of the Russian Federation on the occasion of the be-

ginning of Russia's BRICS chairmanship [*Obrashchenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii v svyazi s nachalom predsedatel'stva Rossii v BRIKS*] // BRICS-RUSSIA. – Moscow. – 01.01. – URL: <https://brics-russia2024.ru/> (date of access: 26.03.2025)]. (In Russian).

Робинсон У.И. (2024). Эпохальный кризис мирового капитализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». – Москва. – Том 24, № 4. – С. 628–642 [Robinson W.I. (2024). The epochal crisis of world capitalism [*Epokhal'nyi krizis mirovogo kapitalizma*] // Bulletin of the Peoples' Friendship univ. of Russia. Series «International relations». – Moscow. – Vol. 24, Issue 4. – P. 628–642]. (In Russian).

Си Цзиньпин заявил, что КНР будет сотрудничать со всеми странами. (2024) // ТАСС. – Москва. – 18.11. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22429257> (дата обращения: 26.03.2025) [Xi Jinping said that China will cooperate with all countries [*Si Tszin'pin zayavil, chto KNR budet sotrudnichat' so vsemi stranami*]. (2024) // TASS. – Moscow. – 18.11. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22429257> (date of access: 26.03.2025)]. (In Russian).

2024 : the United Nations publishes new world population projections. (2024) / INED. – Paris. – URL: https://www.ined.fr/en/everything_about_population/demographic-facts-sheets/focus-on/2024-les-nations-unies-publient-de-nouvelles-projections-de-population-mondiale (date of access: 26.03.2025).

Australian forecasts : inflation and economic growth both slowing. (2025) / Australian Industry Group. – Sydney. – URL: <https://www.aigroup.com.au/resourcecentre/research-economics/economics-intelligence/2025/australian-forecasts-february-2025/> (date of access: 26.03.2025).

A year of known unknowns : the shifting policy landscape will define growth in 2025. (2024) / US Department of Commerce ; Visa Business and Economic Insights. – Washington, D.C. – URL: <https://usa.visa.com/partner-with-us/visa-consulting-analytics/economic-insights/a-year-of-known-unknowns-the-shifting-policy-landscape-will-define-growth-in-2025.html> (date of access: 26.03.2025).

Bennett J.C. (2004). The Anglosphere challenge : why the English-speaking nations will lead the way in the twenty-first century. – Lanham, MD : Rowman & Littlefield Publishers. – 354 p.

Bryan L., Farrell D. (1996). Market unbound : unleashing global capitalism. – Hoboken, NJ : Wiley. – 288 p.

China : EU trade relations with China. (2024) / European Commission. – Brussels. – URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/china_en (date of access: 26.03.2025).

Consumer Price Index, 1913. – (2024) / Federal Reserve Bank of Minneapolis. – Minneapolis, MN. – URL: <https://www.minneapolisfed.org/about-us/monetary-policy/inflation-calculator/consumer-price-index-1913-> (date of access: 26.03.2025).

Cost of living is citizens' main concern at the start of the new legislature. (2024) / European Parliament. – Brussels. – 03.10. – URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20240930IPR24358/cost-of-living-is-citizens-main-concern-at-the-start-of-the-new-legislature> (date of access: 26.03.2025).

European Union inflation rate 1960–2025. (2025) / Macrotrends. – Seattle, WA. – URL: <https://www.macrotrends.net/global-metrics/countries/EUU/european-union/inflation-rate-cpi> (date of access: 26.03.2025).

Ferguson N. (2011). *Civilization : the West and the Rest.* – London : Penguin Books. – 464 p.

GDP based on PPP, share of world. (2025) / IMF. – Washington, D.C. – URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/EU/CHN/USA> (date of access: 26.03.2025).

GDP stable in the euro area and up by 0,1% in the EU. (2025) / Eurostat. – Brussels. – 30.01. – <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-euro-indicators/w/2-30012025-ap> (date of access: 26.03.2025).

Gilpin R. (2000). *The challenge of global capitalism : the world economy in the 21st century.* – Princeton, NJ : Princeton univ. press. – 408 p.

Global inflation rate from 2000 to 2022, with forecasts until 2029. (2025) / Statista. – Hamburg. – URL: <https://www.statista.com/statistics/256598/global-inflation-rate-compared-to-previous-year/> (date of access: 26.03.2025).

Ilzetzki E. (2025). *Guns and growth : the economic consequences of defense buildups* / Kiel Institute for the World Economy. – Kiel. – 54 p. – URL: https://www.ifw-kiel.de/fileadmin/Dateiverwaltung/IfW-Publications/fis-import/7afb0d80-68d0-49ae-8cae-1decc74fd972-Kiel_Report_Ethan.pdf (date of access: 26.03.2025).

Infrastructure Investment and Jobs Act (IIJA) : implementation resources. (2022) / Government Finance Officers Association. – Washington, D.C. – URL: <https://www.gfoa.org/the-infrastructure-investment-and-jobs-act-ijja-was> (date of access: 26.03.2025).

Meyers Z. (2022). *The EU needs a bigger playing field – not a level playing field.* (2022) / Centre for European Reform. – Brussels. – 01.09. – URL: <https://www.cer.eu/publications/archive/policy-brief/2022/eu-needs-bigger-field-not-level-playing-field> (date of access: 26.03.2025).

Milliken D., Bruce A. (2025). *UK economy unexpectedly picked up in late 2024, outlook for 2025 still «sluggish»* // Reuters. – London. – 13.02. – URL: <https://www.reuters.com/world/uk/uk-economy-grows-by-01-q4-2024-2025-02-13> (date of access: 26.03.2025).

Most Americans say there is too much economic inequality in the US, but fewer than half call it a top priority. (2020) / Pew Research Center. – Washington, D.C. – 09.01. – URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2020/01/09/trends-in-income-and-wealth-inequality/> (date of access: 26.03.2025).

«Our diversity and belief in a multipolar world are our strengths» : PM Modi at BRICS Summit. (2024) // India Writes Network. – Ghaziabad. – 23.10. – URL: <https://www.indiawrites.org/china-connect/our-diversity-and-belief-in-a-multipolar-world-are-our-strengths-pm-modi-at-brics-summit/> (date of access: 26.03.2025).

Schenker J.L. (2023). *The US's IRA is enticing more European companies to set up shop in America* // The Innovator. – Paris. – URL: <https://theinnovator.news/the-u-s-s-ira-is-enticing-more-european-companies-to-set-up-shop-in-america/> (date of access: 26.03.2025).

Share of value added to the gross domestic product of the United States in 2023, by industry. (2024) / Statista. – Hamburg. – URL: <https://www.statista.com/statistics/248004/percentage-added-to-the-us-gdp-by-industry/> (date of access: 26.03.2025).

Strain M.R. (2022). Have wages stagnated for decades in the US? // Obserwator Finansowy. – Warsaw. – 27.06. – URL: <https://www.obserwatorfinansowy.pl/bez-kategorii/rotator/have-wages-stagnated-for-decades-in-the-u-s/#fullimg1> (date of access: 26.03.2025).

The CHIPS and Science Act : here's what's in it. (2022) / McKinsey & Company. – Washington, D.C. – 04.10. – URL: <https://www.mckinsey.com/industries/public-sector/our-insights/the-chips-and-science-act-heres-whats-in-it> (date of access: 26.03.2025).

The Inflation Reduction Act : here's what's in it. (2022) / McKinsey & Company. – Washington, D.C. – 24.10. – URL: <https://www.mckinsey.com/industries/public-sector/our-insights/the-inflation-reduction-act-heres-whats-in-it> (date of access: 26.03.2025).

The limits to growth. (1972) / Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens III W.W. – Falls Church, VA : Potomac Associates. – 206 p.

The People's Republic of China : China trade summary. (2024) / Office of the United States Trade Representative. – Washington, D.C. – URL: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china> (date of access: 26.03.2025).

Wasserman M. (2020). The European Green Deal : a comprehensive path to sustainability // CarbonBright. – San Francisco, CA. – URL: <https://carbonbright.co/the-european-green-deal-a-comprehensive-path-to-sustainability> (date of access: 26.03.2025).

DOI: 10.31249/ape/2025.02.02

Bratersky M.V.¹
***Economic prospects for
the Euro-Atlantic community
in a period of global political restructuring***

Abstract. *For centuries (or more precisely, for about 500 years), the world was built around a powerful, aggressive and dynamic center – the West. From this center came the innovations, both technological and socio-political, it triggered waves of colonization and transformed the planet, it shaped the global agenda by creating and enforcing a particular world order, albeit unfair, but quite stable.*

At the same time, this state of affairs seemed natural, because all the alternatives were extremely unrealistic – for example, the communist idea, which ultimately could not withstand competition with consumer society secured by capitalism.

¹ **Bratersky Maxim Vladimirovich** – ScD in Political Sciences, Leading Researcher, Head of Sector, INION RAN.

Today, we have reached a point where the global system based on liberal capitalism has outlived its usefulness. The global economy no longer has room for growth within the framework of the capitalist liberal model, the reserves for growth have already been exhausted, and the engine of this growth, the West (in some interpretations – the «North»), is beginning to weaken relatively, and divisions are emerging within it. In recent decades, the West has lost ground in the real economy and concentrated its advantages in financial and technological spheres, but today even its financial and monetary systems seems to be under threat, and its technological leadership is being challenged by rising giants from other parts of the world.

What is happening to the West in this era of change? How are its positions and potential shifting in relation to the rest of the world, the non-West (or the «global majority»)? How is the West reconfiguring itself, what trends are emerging within the transatlantic community, what structural changes are occurring within the West?

This article addresses these questions and aims to contribute to the discussion on possible ways to develop the global political economy with an emphasis on the place and role of the «collective West» in it.

Keywords: *the West, the North, Euro-Atlantic community, economic growth, green transition, militarization, right turn.*

Статья поступила в редакцию (Received) 18.03.2025

Доработана после рецензирования (Revised) 19.03.2025

Принята к публикации (Accepted) 21.03.2025